

УДК 281.93-3(498)
DOI 10.18101/978-5-9793-1674-1-26-35

РЕЭМИГРАЦИЯ ПРЕДКОВ РУССКИХ-ЛИПОВАН РУМЫНИИ

© Кирилэ Феодор Иванович
доктор филологических наук, профессор
Румыния, г. Бухарест
feodorchirila@gmail.com

Согласно историческим свидетельствам, выявленным за последние годы среди документов в архивах различных стран южной Европы и Турции, этапы и маршруты эмиграции предков русских-липован Румынии по России начались в особенности в период 1735–1764 гг. с **Полесья** (Ветки, Чернобыля, Стародубья), часть из них — в Молдавское княжество, а другая часть — в **Сибирь, Иргиз** (местность в степном левобережье Волги, вдоль р. Большой Иргиз (ныне Саратовская область), а с **Иргиза** (через Бессарабию) — за **Дунай** — в Османскую империю).

В 1908–1914 гг. имела место первая официальная **реэмиграция** 2679 русских-липован из Буковины, Молдовы и Добруджи на **Амур**.

В 1940 году имела место **неофициальная** реэмиграция в Россию. Это произошло летом, когда Бессарабия перешла во владение СССР, многие из русских-липован из Добруджи на своих лодках тайно приплыли к Одессе, а оттуда добились до Краснодарского края, где и поселились. **Вторая официальная реэмиграция в Россию** состоялась в **сентябре 1947 г.** Согласно именным спискам, из Добруджи в Астраханскую область, дельту Волги переселились тогда **216 семей** (998 человек из села Сарикей и **120 семей** (594 человека) из моего родного села Камень (Каркалиу).

Вот так, в разные времена, русские-липовани, реэмигрировавшие на свою историческую родину — Россию, внесли и там свой огромный вклад не только в освоение новых земель, но и в укрепление там русского быта и охрану ее восточных и южных границ.

Ключевые слова: русские-липовани (староверы), миграция, официальная/неофициальная реэмиграция, историческая родина, огромный вклад, освоение новых земель, укрепление русского быта.

RE-EMIGRATION OF LIPOVAN RUSSIANS OF ROMANIA

Feodor I. Kirile
Dr. Sc. (Philology), Prof.
Romania, Bucharest
feodorchirila@gmail.com

According to the historical evidence revealed in recent years among the documents in the archives of various countries of southern Europe and Turkey, the stages and routes of emigration of the ancestors of the Russian Lipovans in Romania across Russia began especially in the period 1735–1764 from Polesye (Vetka, Chernobyl, Starodubye), some of them — to the Moldovan principality, and the other part — to Siberia, Irgiz (an area in the steppe left bank of the Volga, along the Bolshoi Irgiz river (now the Saratov region), and from Irgiz (through Bessarabia) — across the Danube — to the Ottoman Empire).

In 1908–1914 the first official re-emigration of 2679 Lipovan Russians from Bukovina, Moldova and Dobrudja to the Amur took place.

In 1940, unofficial re-emigration to Russia took place. This happened in the summer, when Bassarabia came into the possession of the USSR, many of their Russian Lipovans from Dobrudja secretly sailed to Odessa in their boats, and from there they reached the Krasnodar Territory, where they settled. The second official re-emigration to Russia took place in September 1947. According to the personal lists, 216 families moved from Dobrudja to the Astrakhan region, the Volga delta (998 people from the Sarikoy village, and 120 families (594 people) from my native village of Kamen (Karkaliu).

So, at different times, the Russian Lipovans, who re-emigrated to their historical homeland — Russia, made a huge contribution there, not only to the development of new lands, but also to the strengthening of Russian life there and the protection of its eastern and southern borders.

Keywords: Russians-Lipovans (Old Believers), migration, official / unofficial re-emigration, historical homeland, huge contribution, development of new lands, strengthening of Russian life.

Массовая эмиграция русских староверов началась с 1682 г., когда царевна София и патриарх Иоаким (украинец, ярый ненавистник русских староверов), стали применять утвержденные ими Двенадцать грозных статей против староверов. Тогда поток гонимых за веру русских из центральных районов России устремился в Полесье (низменность на юге Белоруссии, севере Украины и западе России), сначала в Стародубье, а потом, с 1685 г., на белорусскую землю, бывшую в составе Польши, где они основали довольно большое селение на острове, названное Ветка.

Приток русских староверов из разных мест России продолжался, они стали селиться также и вокруг острова Ветка, где со временем образовалось не менее двух десятков таких селений и несколько монастырей, мужских и женских (впоследствии Веткой стала называться вся эта местность, населенная русскими староверами). Однако безопасность ветковцев оказалась весьма неустойчивой, вскоре преследования достигли и этих мест.

С того же самого времени Россия начала расти и раздвигаться быстрыми, значительными шагами, притом именно на запад и на юг. Беглецы не успевали осесть и оглядеться за рубежом, как этот рубеж перекидывали через них, и они снова видели себя внутри избегаемого отечества и бежали все дальше и дальше.

Как мы предполагаем, этапы и маршруты миграции предков русских-липован Румынии по России начались с Полесья (Ветки и Чернобыля) в Сибирь, Иргиз, а с Иргиза (через Бессарабию) — за Дунай, в Турцию). Эмиграция их происходила поэтапно и небольшими семейными группами.

Можно предположить, что часть старообрядцев, «выгоняемых» царской властью в 1735 и 1764 гг. из селений Ветки и Стародубья, успели скрыться от преследований власти и мигрировали в Молдовское княжество.

С целью выживания, спасаясь от религиозных преследований, сохраняя свое русское достоинство, искали русские староверы место, где можно было и подработать побольше. Этим можно объяснить большую разбросанность сегодня липованских селений в Молдове, Буковине, не имеющих связи с «родимой стороной — Россией». Поэтому корни предков русских-липован, проживающих ныне в Буковине и Молдове, следует искать именно в Стародубье и Ветке.

Манифестом (Указом) Екатерины II от 4 декабря 1762 г. «бежавшим из своего отечества староверам» (в основном выходцам из Ветки) предлагалось вернуться

из-за рубежа. Им было разрешено свободно поселяться, отводились земли, обещались значительные налоговые и финансовые льготы, а также свободное отправление русского древлеправославного богослужения. Но на этот указ нельзя однако смотреть как на государственную меру, вызванную собственно церковным расколом. Правительство России пошло на такой шаг не из сострадания к бывшим российским подданным. Указ последовал в то время, когда началась колонизация иностранцев в Россию, т. к. как государственные интересы требовали осуществить интенсивное освоение окраинных земель Поволжья, Зауралья, Сибири [Мельников-Печерский 1860: 182–184; Болонев 2015: 20–46; Кирилэ, Малиш-Мирон 2017: 6–13].

Вследствие этого, начиная с 1762 г., большая часть русских старообрядцев из всех концов России, в т. ч. большинство из Ветки, добровольно заселили Иргиз — местность в степном левобережье Волги, вдоль р. Большой Иргиз (ныне Саратовская область). Число поселившихся в этих местах старообрядцев было значительно, т. к. на новых землях они пользовались при Екатерине II религиозной терпимостью, правом построения своих церквей и моленных, свободного отправления богослужений, хотя и без официального признания их древлеправославного культа со стороны властей.

Колонизируя этот край, староверы превратили его в житницу России, построили за период 1763–1804 гг. десятки больших селений, а вокруг них выросло пять монастырей, число иноков и инокинь во всех пяти монастырях Иргиза составляло около 3 тыс. человек [Лилеев 1895: 114]. Влияние иргизских, как и ветковских, монастырей на жизнь старообрядцев в России (и не только) невозможно переоценить. Священники этих монастырей окормляли великое множество старообрядческих приходов как в России, так и за рубежом. Именно в этих, иргизских, монастырях впервые появилась идея о восстановлении поповской древлеправославной, старообрядческой иерархии за границей. Так появилась в 1846 г. в небольшом буковинском селении Белая Криница самостоятельная Русская древлеправославная церковь, последователи которой живут сегодня в России, Австралии, США, Канаде и, конечно, в Румынии. Центром старообрядческой поповской церкви стала Белокриницкая митрополия, резиденция которой с 1941 г. находится в городе Брэила (Румыния). В 1946 г. Русская древлеправославная церковь белокриницкого согласия была официально признана Румынским государством [Мельников 1999: 282–314; Кирилэ 2019: 218–220]. Однако и здесь, в Иргизе, приверженцам русской древлеправославной веры пришлось недолго прожить.

Исторические свидетельства, выявленные за последние годы среди документов в архивах различных стран южной Европы и Турции, подтверждают тот факт, что большой поток мигрантов русских-липован вызвали также военные действия конца XVIII — начала XIX в., развертывающиеся вблизи русских старообрядческих селений, а также разорение Ветки и Иргиза — крупных духовных центров русских старообрядцев, что принудило их покидать места, ставшие уже родными, и уходить дальше, в Османскую империю (в Добруджу). Там им удалось освоить необъятные края Подунавия и дельты Дуная, добраться до берегов Черного и Мраморного морей, где природа была богата лесами, реками и плав-

нями и где местные власти давали им возможность скрыться от жестоких преследований царских властей.

В 1825–1844 гг., при царствовании Николая I, законодательство вернулось от почти либерального отношения к русским староверам при Екатерине II ко временам строгих Двенадцати статей царевны Софьи: у русских староверов были отняты все права, дарованные при Екатерине II, в том числе право иметь легальных священников. Царские власти насильно загоняли русских староверов в единоверие; были уничтожены многие их селения и монастыри. Все это «привело к сильному и справедливому недовольству иргизских староверов» и принудило их к побегу в другие, отдаленные места, чтобы укрываться от жестоких преследований — и все время в надежде: «восстановится церковь, древнее благочестие, возродится старая Русь». Но так как надежда не сбывалась, там, где осели, на берегах моря, в лесах и горах, за рубежом своего отечества, создавали свой мирок, свою маленькую старую Русь, но уже по своим проектам [Кирилэ 2020: 102].

Итак, постепенно стали появляться на территории Добруджи небольшие, чисто русские поселения, которые разрастались со временем в целые села. Во второй половине XIX в. стали появляться также смешанные селения, где русские-липовани¹ жили отдельно от местного населения в так называемых «липованских краях», сохраняя свои национальные традиции как еще «живой остаток древней русской культуры» [Евсеев 1994: 32].

¹ Термин старовер в Румынии не был включен в широкое употребление для обозначения русских приверженцев старой веры. Тут вошло в обиход слово **липован/липованы** или **липоване**, а по новой, официальной, терминологии «**русские-липоване**» (рум. *ruși lipoveni*). В своих работах я употребляю именно форму **липовани** (с окончанием на -и), а также и синтагму **русские-липовани**, т. е. **липовани**, а не **липоване**. Я считаю именно **липован** (ед. ч.) и **липовани** (мн. ч.) за правильную форму, а не **липованин** и **липоване**, на основании того, что слово **липован** (ед. ч.) — **липовани** (мн. ч.) румынского происхождения и образовано оно на румынской языковой почве от русского существительного **липа** при помощи румынских суффиксов **-ovan**, **-ovani**; рус. **липа** > рум. диал. *lip* + *ovan* > *lipovan*; *lip* + *ovani* > *lipováni* — рус. *липовáни*; (а также литературный вариант с суф. **ovean**; **-oveni**: *lip*+ *ovean* > *lipovean*; *lip* + *oveni* > *lipoveni*) со значением: «те, кто живут в липовом лесу». При этом есть все основания думать, что слово **липа** было перенято местным румынским населением у переселившихся туда русских староверов. К этому следует добавить еще то, что название **липован** — **липовани** не пошло от самих староверов, а их стало так называть местное, туземное население, с которым русские староверы вхолили в непосредственное сношение. Следовательно, в русском языке слово **липовани** можно считать лексическим вкраплением. Именно форма слова **липован–липовани** — была и есть в обиходе русских-липован, и так они его употребляют на письме и поныне. В слове **липовани** скрыто историческое прошлое нашего этноса. Под этим названием русские староверы скрывались долгое время ради своего спасения (См. подробно об этом: Кирилэ Феодор. О генезисе термина «липован» // Очерки истории русских староверов. București: Изд. CRLR, 2019. С. 394–403).

Словосочетание **русские-липовани** (ед. ч. русский-липован) следует писать **через связную черточку**, а словосочетание **ruși lipoveni** (ед.ч. *rus lipovean*) — **без нее**, потому что данные соединения слов, как в русском, так и в румынском языках являются особым видом *уточняющих приложений*, выраженных *двумя существительными в именительном падеже*: **русские** и **липовани** (ед. ч. русский и липован) и, соответственно, **ruși** и **lipoveni** (ед. ч. *lipovean* или *lipovan*).

Культура и обычаи тех краев, тех стран, где живут староверы, неизменно накладывают на них свой отпечаток. Это отражается как в говорах, фольклоре, традициях, так и их церковных службах. В результате векового проживания на входивших в состав Речи Посполитой (польско-литовского государства) землях Украины и Белоруссии стародубско-ветковская группа староверов, сохраняя многие черты культуры допетровской Руси, усвоили отдельные элементы духовной и материальной культуры этих народов.

Произошло также взаимодействие аспектов культуры с языком: заимствование лексических единиц (*этнизмов*) вместе с обозначаемыми ими предметами [Манаенкова 1978: 88, 231; Кирилэ, Иванов, Олтяну 1993: 92–120]. Если бы русские-липовани не шли на компромисс с действительностью, они бы не выжили до наших времен как этническая группа: *Все средства хороши, если надо выжить* [Анфимова 2008: 16].

Эти черты мы встречаем как у буковинских староверов, так и у добруджских. Устав (правила) и обычаи Ветковской церкви перешли полностью в культуру русских-липован не только Буковины, Молдовы, но и Добруджи [Календарь 1994: 88].

Поколения русских-липован, родившиеся и выросшие в Австро-Венгрии (Буковине) и Румынии, неплохо устроившиеся на новой родине, не оставляли мысли о возвращении на свою историческую родину — Россию. На протяжении XIX–XX вв. по приглашению российских властей они большими партиями переселялись в пределы России, а после Второй мировой войны — в СССР.

Об этом более полные сведения, связанные с вопросами реэмиграции русских-липован в Россию, которые проливают свет на побудительные мотивы их переселения, были подчерпнуты в последнее время из Архива Российской империи, в т. ч. и СССР, а также из Национального архива Румынии,

В 1908–1914 гг. имела место первая официальная реэмиграция русских-липован из Буковины, Молдовы и Добруджи на Амур. Дело в том, что помимо хозяйственного освоения важной государственной задачей в регионе Дальнего Востока признавалось решение демографической проблемы (заселения Дальнего Востока) и противодействие «желтой угрозе» — огромной нелегальной миграции китайцев и корейцев. И опять-таки российские власти вспомнили о непревзойденных (исключительных) качествах старообрядцев в хозяйственном освоении новых, завоеванных Россией земель. От русских старообрядцев требовалось «оберегать интересы России и воспрепятствовать ассимиляции казаков туземным населением» [Кульдо 2019: 194].

В своих прошениях о принятии в подданство они отмечали, что вдали от родины никогда не забывали о России и всегда сохраняли надежду на возвращение [Мельников 1908: 1428, 1530]. «Мы, писали подданные румынского короля, — русские люди. Если предки наши бежали за границу, то бежали от жестокого гонения, ради сохранения веры Христовой. А теперь, когда объявлена Государем в России свобода исповедования веры (речь идет о Манифесте царя Николая II о свободе вероисповедования 1905 г. — *Ф. К.*), мы стремимся в свое отечество чтобы послужить Родине и нашему царю» [Лобанов 1994: 15].

Переселение русских-липован на родину своих предков вызвано еще и тем, что в Буковине, как и в Добрудже, стала ощущаться в то время нехватка земель,

упали цены на заработки. Кроме этого, в начале XX в. румынское правительство стало отдавать румынам-ветеранам и новобрачным парам лучшие участки земли, которые ранее арендовались русскими-липованами. В просьбах липован на новые наделы власти стали категорически отказывать. Для новоселов оставалось только расселение в города или реэмиграция в Россию. Вследствие этого в 1908 г. на историческую родину начинают возвращаться десятки семейств русских-липован. Отчеты приамурской администрации за 1908–1914 гг., а также румынские архивные документы показывают, что тогда в Амурскую область переселились 2 679 русских-липован, из которых 506 человек из селений Белая Криница, Климовцы, Соколинцы и Лукавцы и из городов Пятра Няц, Яссы и Брэила (Буковина и Молдова), а из Добруджи — 2147 душ из селений: Каменка (Каркаліу), Русская Слава, Гиндэрешть (Новенькое), Журиловка, Сарикей, Миля 23, Старая Килия, Магмудия, Свистовка, Периправа и 26 душ из селения Татрица (Болгария) [Лобанов 1994: 28; Мельников 1908б: 3].

Определенное влияние на русских-липован оказали условия переселения и размер помощи Российского правительства переселяющимся семьям. Организацию переселения взял на себя Совет всероссийских съездов старообрядцев, который добился от царского правительства ряда льгот: в оформлении документов и получении ссуд, в освобождении от воинской повинности на 10 лет, в свободе вероисповедования и др. В то время по пути и по прибытии на место переселенцев опекала общественная организация, оказывающая помощь переселенцам. «От этой организации на пароходе находилась походная кухня, при ней — сестра милосердия и врач. Дважды в день обеспечивалось горячее питание: в обычные дни — шти с американским консервированным мясом, в среду и пятницу — рыбный суп, детям давали молоко» [Обзор 1909: 187].

Получив различные льготы, в т. ч. и строительный лес, липовани-реэмигранты сразу принялись устраивать свой быт на казенных землях Приамурского края. Здесь новоселы-староверы построили те же липованские хаты-мазанки с земляными полами, такие, какие были у них в Буковине, Молдове и Добрудже. К 1914 г. липовани-переселенцы основали на Дальнем Востоке более 15 собственных селений, и некоторые из них получили те же названия, что и в Румынии: Климовцы, Каменка, Ново-Каменка.

В 1991 г. я побывал в селении Каменка Томской области с целью встретить там бывших моих односельчан, переселившихся сюда из моего родного села Камнень (Сагсалиу), но, к моему удивлению, там уже не было никого из них; почти все перебрались в город еще во времена коллективизации, и деревня Каменка обезлюдела, опустела. Однако моей супруге Анне Федоровне Малиш повезло. После долгих ходатайств со стороны ее отца Федора Васильевича Малиш, в 80-е гг. XX столетия удалось связаться с их родственниками, родители которых Илларион Семенович и Мария Кондорович-Малиш вместе с еще четырьмя семьями Кондоровичей из с. Соколинцы (Липовень) уезда Сучава (Буковина) переселились в 1908 г. на Дальний Восток. И вот 112 лет спустя, в 2018 г., Анне Федоровне Малиш удалось повидаться с Марией Илларионовной Малиш, двоюродной сестрой Федора Васильевича — отца моей супруги Анны Федоровны. Мария Илларионовна Малиш (в возрасте 88 лет) сумела приехать вместе со своей доче-

рю Радой в Румынию. И встреча состоялась как раз в с. Соколинцы, откуда происходили ее родители.

Итак, вместе со староверами-семейскими — «самой полезной частью народонаселения в Забайкальском крае» реэмигранты-липовани внесли большой вклад в процесс освоения новых завоеванных Россией земель региона Дальнего Востока (Приамурья и Приморья) и формирование постоянного контингента русских дальневосточников, а также в становление здесь русской народной культуры. Вот как выразился о них первый генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, граф Амурский: «Старообрядцы отличаются от прочих тамошних крестьян хорошей нравственностью, трезвым поведением, постоянным трудолюбием и примерным хозяйством» [Кульдо 2019: 183].

Таким образом, в результате заселения южных районов Дальнего Востока выросла численность староверов белокрыницкого согласия в Амурской области, что впоследствии повлияло на образование в 1911 г. Иркутско-Амурской и всего Дальнего Востока Русской древлеправославной епархии, во главе которой встал епископ Афанасий Тарбагатайский. В нее вошли и все русские-липовани-переселенцы в Приамурье и Приморье.

В 1940 г. имела место неофициальная реэмиграция в Россию. Это произошло летом, когда Бессарабия перешла во владение СССР, многие из русских-липован из Добруджи на своих лодках тайно приплыли к Одессе, а оттуда добрались до Краснодарского края, где и поселились. Из них более ста человек было из моего родного села Камень (Carcaliu), среди которых были и мои дальние родственники ([Кульдо 2019: 196].

Вторая, официальная, реэмиграция в Россию состоялась в сентябре 1947 г. Для решения вопроса реэмиграции на переселение в сентябре 1946 г. была создана союзная контрольная комиссия в Румынии. Правительство Румынии дало согласие на переселение русских-липован, и в соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 1 июля 1947 г. русским-липованам из Румынии был разрешен въезд в Россию с упрощением порядка оформления гражданства. Первая группа русских-липован была отправлена специальным пароходом в Измаил и оттуда поездом в Астраханскую область Краснодарского края. Другую группу переселенцев собрали в г. Констанце и оттуда отправили тоже в Астраханскую область. Согласно именным спискам, из Добруджи в Астраханскую область, дельту Волги переселились тогда 216 семей (998 человек) из с. Сарикей и 120 семей (594 человека) из моего родного села Камень (Каркалиу) [Курменова 2019: 197].

Я был свидетелем выезда первой серии русских-липован в Россию в 1947 г. Мне было тогда 9 лет. Я хорошо помню, как выезжали мои односельчане из Камня (Каркалиу). Стоя на берегу Дуная рядом с другими моими односельчанами, я смотрел, как они погружались на шлепы (баржи) к выезду в Измаил: одни из них, прощаясь с нами, махая платочком, радовались, другие слезы лили... Когда пароход с нагруженными шлепами стал отходить от берега, один из пожилых моих односельчан крикнул им с берега вслед: «Прощайте, братья и сестры, вот увидите вы эту родимую сторонку, Россию!..» И действительно, они «увидели»: местность, на которую буквально «высыпали» на землю липован-новоселов осенью 1947 г., незадолго до церковного праздника Покрова, которую совсем нельзя

было назвать обжитой и обустроенной. Реэмигрантов распределили для проживания в двух поселках дельты Волги Астраханской области, получивших и новые названия — село Успех (бывший поселок Корейский) и село Речное (бывшая Тюменевка), где раньше проживали «беглые корейцы. Уже оборванные домики: окна, двери, полы, заборы — все, что могло быть применимо в своем жилище, вынесли из временно опустевших поселков жители соседнего села. Селили по одной семье в комнате, таким образом, в каждом доме проживало по 2–3 семьи, каждая из которых состояла из нескольких душ» [Феноген 2017: 12].

В 2017 г. я бывал в этих селениях в качестве члена делегации ОРЛР по случаю 70-летия переезда русских-липован из Румынии в Россию. Там я долго разговаривал со своими бывшими односельчанами из Камня (Каменки). И вот что я узнал от моей односельчанки Евдокии Климовны Лабушовой (1927 г. рождения, с. Камень): «Тутытка ничего не было, пустыня была, змеи ды вороны, ды люди голодные. На берег кинули нас ... А после в пабарванные хаты рассялили — корейцы раньше там жили — одне стены, ни вакошек, ни двярей — ничевинько. В Рамынии нам немецкие кварталы на Волге обещали (речь идет о домах немцев, проживающих там, которых по приказу Сталина выселили в 1941–1942 гг. в Сибирь. — Ф. К.) и дарование свободы веры. Не поняли мы тогда — какие там после войны немецкие кварталы? Россия вся разволочена. Отцы наши, первое, шапки сняли и нам в ноги: «Простите нас, дети, Христа ради! Мы вас на жизнь взяли, а оказалось на змий».

Переселенцам обещали дать денежную помощь для расходов на переезд. И действительно Советское государство выделило безвозмездную сумму в 30 000 рублей на каждую семью, кредиты на жилищное строительство, а местные власти выдали им лишь по 3 000 рублей и никаких обещанных кредитов на жилищное строительство, да и построить свою церковь в данных селениях не позволила им советская власть. «Хотели мы тут церкву построить, — вспоминает другая моя односельчанка — Варвара Ивановна Бужорова (1937 г. рождения, с. Камень), — а нам пригрозили. Не дали. А люди хотели. Да и хату приспособили — старики там жили, ды пирабрались онé в город Астрахань и живут там у своей дочке. А мы иконы там поставили ды и ходили молиться, а потом опять нам пригрозили...»

Переселенцам-липованам было также запрещено свободно передвигаться не только по России, но и даже по своему региону. У них не было паспортов: начальство не выдавало. Они были лишь в списке, на учете сельсовета, им позволялось покидать место жительства только с письменного разрешения местных властей.

Отсутствие надежной крыши над головой в преддверии зимы, холод и голод, удаленность от воды (корейские дома находились в стороне от реки) и отсутствие дров, степь, кишашая змеями, ужас от окружающей действительности и страх выживания — вот неполный перечень испытаний, с которыми столкнулись реэмигранты-липовани вместе со своими детьми. К сожалению (и даже к моему удивлению), не так дружелюбно приняла советская власть реэмигрантов, своих соотечественников, как их принимали при царской власти в 1908–1914 гг.

Вот так в разные времена русские-липовани, реэмигрировавшие на свою историческую родину Россию, внесли и там свой огромный вклад не только в осво-

ение новых земель, но и в укрепление там русского быта и охрану ее восточных и южных границ.

Другой реэмиграции русских-липован в Россию — историческую родину их предков больше не последовало. Помню, как по поводу этой последней реэмиграции в 50-е гг. прошлого столетия в среде русских-липован бытовала легенда: Будто Анна Паукэр, бывший тогда министр иностранных дел Румынского правительства во главе с доктором Петру Гроза позвонила И. В. Сталину сразу же после первой серии реэмиграции русских-липован и говорит: «Иосиф Виссарионович, Вы, начиная с 1946 года, забрали из Румынии всех немцев (сасов и швабов) и увезли их в Россию, потом большинство наших евреев послали из Румынии в новое государство Израиль для его установления и укрепления, а сейчас взяли отсюда и часть русских-липован. Если вы заберете из Румынии всех русских-липован, то тогда с кем же мы будем строить здесь социализм?» И. В. Сталин, подумав немного, отвечает ей: «Ты, Аннушка моя, права. Остальных липован больше не буду брать. Пусть остаются они на своих освоенных местах». Итак, остальных русских-липован Сталин не забрал к себе в Россию. И все эти оставшиеся на своих местах русские-липовани долго молились потом богу за Сталина за то, что он помиловал их, оставил на месте, не взял их к себе в Россию на муку. И начиная с 1948 года оставшиеся на месте русские-липовани были вынуждены строить социализм в Румынии наряду со всем ее населением, выполняя досрочно пятилетку за пятилеткой. И строили кто как мог: евреи — пропагандой идеологии коммунизма и атеизма, а русские-липовани — умом и руками, получившие впоследствии известность как искусных «копкарей», строителей — «эскаваторов с бородой».

В заключение могу без преувеличения сказать, что сегодня община русских-липован Румынии — одна из ведущих и самых благоустроенных обществ русского староверия. Русские-липовани были и остались верными своей древлеправославной вере, хранят и защищают ее, не забывая завета пророка Аввакума: «Веры нашей держитесь, не отступайтесь!», который сопровождал их судьбу на протяжении прошедших 250 лет по пути скитания в поиске «Китеж-града» и воодушевлял их на стойкость, на духовное мужество за истинную православную веру, на способность адаптироваться к новым условиям жизни.

Конечно, мы живем в постоянно меняющемся мире, которым руководят тенденции к глобализации. В такой обстановке многовековой опыт русских-липован, стремящихся остаться самими собой, в иноязычной и инокультурной среде в значительной степени достигших этого, приобретает новые значения, вызывающие интерес, удивление и даже восхищение. У нас, русских-липован, проживающих на территории Румынии, есть сегодня уже свое прошлое. Оно частично описано в книгах, но больше всего оно существует как память в душе людей. В наше время в иноязычном окружении мы, русские-липовани, «веруем и служим-то по-старому, а живем по-новому».

Литература

1. Анфимова А. Бывальщины. Быт и народные повествования липован Быковины. CRLR, 2008. С. 1–17.
2. Болонев Ф. Ф. Семейская живая старина за Байкалом. Улан-Удэ, 2015. С. 20–46).

3. Евсеев И. Липовани-рыбаки (духовные освоения одного традиционного ремесла. *Romanoslavica*. XXXI. București, 1994. С. 32–44.
4. Кирилэ Ф. А. Малиш-Мирон. Русские-липовани в гостях у семейских старообрядцев в Бурятии // *Зори*. 2017. 6–7. С. 8; 8. С. 14–15; 9. С. 10–13.
5. Кирилэ Ф. Сказания о культуре и традициях русских-липован. Изд. 2-е, перераб., испр. и доб. Бухарест, 2017. 302 с.
6. Feodor Chirilă. Andrei Ivanov, Theodor Olteanu, Probleme de dialectologie. Graiurile rusești lipovenesti din România (Вопросы диалектологии. Говоры русских-липован Румынии). 1993. P. 23; 92–120.
7. Кирилэ Ф. Din istoria rușilor staroveri (Очерки истории русских староверов). București, 2019. С. 218–220.
8. Кульдо М. Е. С Дуная на Амур: переселение заграничных старообрядцев на Российский восток в начале XX столетия // *Культура русских-липован в национальном и международном контексте*. București, 2019. Вып. 7. С. 194; 183–196.
9. Курменова А. Г. 70-летие переезда русских-липован из Румынии в Россию // *Культура русских липован в национальном и международном контексте*. București, 2019. Вып. 7. С. 197–206.
10. Легенды астраханских липован // *Живая старина*. 1998. № 2.
11. Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. 17–18 вв. Киев, 1895. С. 114–115; *Он же*. История и обычаи Ветковской церкви // *Календарь Русской Православной Старообрядческой Церкви на 1994 год*.
12. Лобанов В. Ф. Возвращение старообрядцев (1900–1913 гг.) // *Россия и АТР*. 1994. № 2. С. 15–28.
13. Манаенкова А. Ф. Словарь русских говоров Белоруссии. Минск, 1989. 231 с.
14. Манаенкова А. Ф. Русско-белорусские языковые отношения. Минск, 1978. С. 88.
15. Мельников В. С Дальнего Востока. Переселение старообрядцев // *Церковь*. 1908. 42. С. 1428–1429; 45. С. 1530–1533; 47. С. 1606–1609; *Он же*. К вопросу о переселении на Дальний Восток старообрядцев. М., 1908. С. 3.
16. Мельников-Печерский П. С. Записка о русском расколе (1857 г.) // *Сборник правительственных сведений о раскольниках*. Лондон, 1860. Вып. 1. С. 182–184.
17. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной церкви. М., 1999. С. 282–314; 185–187.
18. Обзор деятельности государственного управления землеустройства и земледелия 1907–1908 гг. СПб., 1909. С. 187.
20. Феноген А. Воспоминания о переезде русских-липован из Добруджи в Россию в 1947 году // *Зори*. 2017. № 12. С. 12–14; № 11.